

Бродский на английском

Когда говорят о Бродском как об американском или англоязычном писателе, его обычно сравнивают с двумя предшественниками и соотечественниками – первый из них даже тезка поэта – Джозефом Конрадом⁴⁷³ и Владимиром Набоковым. Это сравнение поверхностное и неправомерное.

Конрад покинул Россию в семнадцать лет, был с тех пор погружен в английскую языковую среду. Немногим старше был Набоков, когда оказался в Англии. К тому же Набоков с детства воспитывался английскими гувернерами. Конрад писал только по-английски. По-английски написаны все романы Набокова после 1940 года. В отличие от них Бродский уехал на чужбину уже вполне зрелым человеком, умея читать по-английски, но не владея этим языком активно. Англоязычным писателем он себя никогда не считал («Я русский поэт, американский гражданин...»). Его писательская репутация в англоязычном мире зиждется прежде всего на нескольких десятках написанных им по-английски (или автопереведенных) эссе, статей, публичных выступлений, из которых сорок составили книги «Меньше самого себя» («Less than One», 1986), «Водяной знак» («Watermark», 1992; в русском переводе «Набережная неисцелимых») и «О скорби и разуме» («On Grief and Reason», 1995). Он также написал некоторое количество стихотворений на английском и усердно занимался переводом на английский своих стихов, но если его эссеистика вызывала в основном положительные критические отклики, отношение к нему как к поэту в англоязычном мире было далеко не однозначным.

Непростым было и его собственное отношение к своим стихам на английском. С одной стороны, он неоднократно подчеркивал второстепенный и даже развлекательно-игровой характер своей английской поэзии. На нередкий вопрос, считает ли он себя двуязычным поэтом, он говорил интервьюеру: «Эта амбиция у меня совершенно отсутствует, хотя я в состоянии сочинять весьма приличные стихи по-английски. Но для меня, когда я пишу стихи по-английски, – это скорее игра, шахматы, если угодно, такое складывание кубиков. <...> Но

⁴⁷³ *Джозеф Конрад* (Юзеф Теодор Конрад Коженевски, 1857–1924) – классик английского модернизма, поляк, но родился на Украине, а детство провел в Вологде, неподалеку от Череповца, с которым связаны самые ранние воспоминания Бродского. Языками его детства были польский и русский. Проза Конрада, по мнению многих, отличается редким стилистическим совершенством, но говорил он по-английски до конца дней с тяжелым славянским акцентом.

стать Набоковым или Джозефом Конрадом – этих амбиций у меня напрочь нет»⁴⁷⁴. С другой стороны, он упорно и в возрастающей с годами степени продолжал сочинять английские стихи, далеко не всегда в легком жанре, но лирические, философские и посвященные трагическим темам современности. Более того, он все меньше доверял перевод своих русских стихов англоязычным поэтам и переводчикам. В пятисотстраничном томе, вышедшем через четыре года после его смерти (СР), нет переводов, выполненных без участия автора. Он составлен из стихов, написанных по-английски и переведенных самим Бродским или с участием Бродского. О том, что на самом деле означало «с участием», вспоминает друг Бродского, поэт и нобелевский лауреат Дерек Уолкотт: «Но правда заключается в том, что со всеми своими переводчиками Иосиф внушительную часть работы проделывает сам, даже в области ритма, даже в рифмах»⁴⁷⁵.

Знал ли Бродский английский язык в совершенстве? Мы знаем, что в школе он по английскому получал двойки, потом изучал язык самостоятельно, а серьезно начал им заниматься в Норенской, вчитываясь в трудные поэтические тексты и параллельно в словарные статьи. В 1972 году он прибыл на Запад, умея хорошо читать по-английски, но практически почти не умея говорить (см. о встрече с Оденем). Карл Проффер проделал с ним смелый эксперимент, втолкнув Бродского осенью 1972-го в классную комнату Мичиганского университета, как детей по старинке учили плавать – бросали в воду: выплывай. Это сработало. Большой пассивный запас слов, начитанность на английском именно в той области, о которой ему предстояло читать лекции, и характерное упорство, привычка преодолевать трудные препятствия сделали свое дело – Бродский достаточно быстро научился пользоваться английским профессионально как преподаватель.

После нескольких лет жизни в Америке Бродский мог свободно говорить по-английски на любые темы в любых профессиональных и житейских ситуациях⁴⁷⁶. «Ему понадобилось всего три месяца, чтобы начать пользоваться американским сленгом», – вспоминал коллега по Мичиганскому университету⁴⁷⁷. Он, однако, так никогда и не стал полностью двуязычным: говорил с заметным акцентом, его словоупотребление казалось порой не совсем точным, а в английских черновиках друзья поправляли ему артикли и глагольные формы. Недостатки английского произношения усугублялись картавостью и некоторой назальностью, свойственными речи Бродского⁴⁷⁸. Это не создавало особых трудностей в небольших аудиториях, но порой сказывалось на больших публичных выступлениях. Вот характерное впечатление вашингтонского журналиста: «Бродский – один из самых плохих читателей английской поэзии в мире и, возможно, в то же время один из лучших. Закрывая глаза и

474 *Интервью 2000*. С. 118.

475 *Полухина 1997*. С. 303-304.

476 Его не все и не всегда хорошо понимали. Так симпатизирующий ему английский писатель Джон Ле Карре считал, что в разговоре Бродский был косноязычен (*inarticulate*) и дивился, что, несмотря на это, писал Бродский прозу по-английски прекрасно (*Труды и дни*. С. 114). Думается, что дело тут не в качестве разговорного английского Бродского, а в его эллиптической манере говорить вообще, и на родном языке, и на английском, в особенности, когда он бывал увлечен и взволнован – многое опускалось, фразы недоговаривались. Говорящий Бродский полагал, что опускает и без слов понятное собеседнику, чтобы не задерживать развитие мысли. Большинство образованных англичан со школьных лет приучены выражать свои мысли отчетливо.

477 Профессор Джон Мерсеро (*The Ann Arbor News*, October 22, 1987. P. 4).

478 Еще одной характерной особенностью английского произношения Бродского было утрированно открытое произношение звука *a*. Так, скажем, «I can» («я могу») он произносил не как «Ай кэн», а как «Ай кан». Вероятно, он невольно подражал произношению Одена, чьи *a* звучали как слишком открытые для американского уха (см.: *Charles H. Miller. Auden: An American Friendship*. New York: Charles Scribner's and Sons, 1983. P. 13). Однако русскому трудно воспроизвести нюансы различия между русским *a* и открытым британским *a*.

покачивая своей совиной головой, он интонирует по памяти, подчеркивая ритмические и мелодические качества своих любимых стихов. В его спотыкающемся бормотании все становится панихидой, плачем. Слушатель теряет слова и фразы в чашах его русского акцента; его исполнения являют триумф звука над смыслом. Тем не менее Бродский гипнотизирует. Личный магнетизм поэта соединяется с его зачаровывающим стилем, чтобы запечатлеть в памяти его стихи»⁴⁷⁹. Старший друг Бродского, известный английский философ Исайя Берлин говорил о лекции в Британской академии 11 октября 1990 года: «Никто не понял... Я тоже не понял ничего. Он говорил по-английски быстро, глотая слова. И я не мог уловить, не совсем понимал, что он говорит. Его приятно было слушать, потому что он был оживлен, но понял я потом, когда прочел»⁴⁸⁰.

Как Бродский не раз рассказывал впоследствии, поначалу решение писать для американских журналов по-английски было чисто прагматическим – чтобы сэкономить время и усилия на переводе с русского. Постепенно активное мышление на двух языках перешло в привычку. Вслед за влиятельным лингвистом и культурологом тридцатых – сороковых годов Эдмундом Сепиром Бродский верил, что грамматические структуры языка в значительной степени определяют мировосприятие человека, на данном языке говорящего. Так в морфологии русского и других славянских языков огромную роль играют суффиксы. Слова «старуха», «старушка», «старушонка» представляют собой не строгую классификацию женщин преклонного возраста, но диапазон нюансов в отношении говорящего к тому, о чем говорится. Причем использование и понимание этих *-ка* и *-онка* весьма субъективно и точному определению не поддается. В английском морфология почти не участвует в организации смыслов. Для этого существуют самостоятельные лексемы, которые складываются в понятие: «старуха» – «old lady», «старушка» – «little old lady», а «старушонка» – «miserable old woman» или просто другое слово – «crone»⁴⁸¹. Еще больше разнятся синтаксисы русского и английского языков. Русский язык – флективный, слова согласуются в предложении путем изменения окончаний (флексий) по роду, числу, падежу. Поэтому порядок слов в русском предложении может быть почти любым. Конечно, чуткий носитель языка уловит оттенки различий между фразами «Старуха пришла домой», «Домой пришла старуха», «Пришла старуха домой» и т.д., но это будут не четкие различия, а опять-таки нюансы, определяемые в значительной степени субъективно.

Современный английский – язык аналитический. В нем нет падежей, нет грамматического рода, и изменение порядка слов в предложении грозит существенным изменением смысла, а чаще всего вовсе невозможно. В молодости, когда Бродский осознал строгую логическую структуру английского высказывания, он часто повторял: «На английском невозможно сказать глупость». (С годами ему пришлось убедиться в поспешности этого умозаключения.) Так или иначе, то, что поначалу было просто житейской необходимостью, стало восприниматься им как огромное преимущество, возможность раздвинуть психические горизонты до общечеловеческих: «Когда владеешь двумя языками,

479 Цит. по Лонсбери 2002.

480 *Труды и дни*. С. 103, 104. Лекция появилась в печати под названием «Altra Ego». Такое же воспоминание осталось у меня о речи Бродского на нобелевском банкете в стокгольмской ратуше и его выступлении перед выпускниками Дартмута в 1989 г. («Похвала скуке») — люди с трудом улавливали обрывки текста.

481 Ш. Хайроев приводит следующую цитату из книги Н. Жаринцевой о русских и их языке, «предвосхитившей во многом опыты сегодняшней сопоставительной лингвокультурологии». Жаринцева «обращает внимание британцев прежде всего на способность русского языка передавать в широком словообразовательном диапазоне многочисленные смысловые и экспрессивные оттенки»: «Оценочных приставок в английском языке гораздо меньше, и – что важнее – они неупотребимы с таким количеством слов, как в русском, а ярких суффиксов в английском языке и вовсе нет. <...> Они составляют мир различий. Мы любим, чтобы слово несло мельчайшие оттенки нашей мысли. Такая гибкость значительно отличается от английской манеры нанизывания отдельных существительных подобно бусам на нить. <...>» (перевод мой. – Ш. Х.) (*Jarintzov N. The Russians and Their Language. Oxford: Blackwell, 1916. P. 40.*) (*Хайроев 2004*).

одним аналитическим, как английский, и другим синтетическим, очень чувственным, как русский, ты получаешь почти сумасшедшее ощущение всепроникающей человечности. Это может облегчать понимание, а может обескуражить, потому что видишь, как мало может быть сделано. Иные виды зла – результат недостатков грамматики [русской], а аналитический подход может вести к поверхностности, бесчувственности»⁴⁸². Это высказывание неоспоримо как свидетельство о личном опыте и, возможно, утверждение, что мировосприятие двуязычного человека шире, сложнее, универсальнее, чем мировосприятие того, кто владеет только одним языком, справедливо вообще, однако вопрос о том, что дает двуязычие поэту, гораздо сложнее.

Понятно, что хорошее знакомство с жанровыми особенностями и риторическими средствами иноязычной поэзии может обогатить творчество на родном языке. Это происходило во все времена с поэтами разных народов. Мы говорили в главе пятой о том, как англо-американская поэзия повлияла на роль авторского «я» в текстах Бродского, на структуру метафоры и др. Но более глубокие уровни поэтического текста – просодия, поэтическое использование грамматики, семантические операции по сталкиванию разностильных речений и т. п. – зависят исключительно от характерных особенностей национального языка и, таким образом, переводу не поддаются⁴⁸³. Яркий пример такой невозможности – приемы рифмовки (рифма по своей природе явление прежде всего фонетическое). Скажем, тройная рифма, нечастая в русской поэзии, но довольно распространенная в английской, в частности у Одена, была эффектно использована Бродским в «Пятой годовщине» (У), «Fin de siècle», прологе к переводу трагедии Еврипида «Медея» и «Театральном» (ПСН). Казалось бы, при переводе этих текстов на английский не должно возникнуть проблем, так как английской поэзией схема рифмовки и была внушена. Но вот что говорит такой мастер английского стиха, как Дерек Уолкотт: «В английском строенная (то есть тройная – *aaa*. – Л. Л.) рифма становится иронической, как у Байрона, или даже комической. В английском языке очень трудно оправдать такие окончания, в них есть комическая или ироническая острота. <...> [Я] думаю: что попытка достигнуть этого (звучания оригинала Бродского. – Л. Л.) по-английски может привести ко всевозможным нарушениям в структуре стиха»⁴⁸⁴. Так же и доброжелательные, и недоброжелательные критики английских стихов Бродского отзывались о широком использовании женских рифм. Женское окончание строки (то есть с ударением на предпоследнем, а не на последнем слоге)

482 Цит. в статье Leigh Hafrey, «Love and the Analytic Poet», *The New York Times Book Review*, July 13, 1986, page 3. О том, как любимые мысли Бродского о влиянии языка на характер национального мышления соотносятся с идеями Гердера и других мыслителей XVIII в., а также с современной этнолингвистикой и культурологией, см. *Хайроев 2004*.

483 В интересах объективности я должен сказать, что Бродский однажды резко, хотя и бездоказательно, отверг это мнение, которое я впервые высказал в статье «Английский Бродский». Интервьюер процитировал: «Писателем можно быть только на одном родном языке, что предопределено просто-напросто географией. Даже с малолетства владея двумя или более языками, всегда лишь один мир твой, лишь одним культурно-лингвистическим комплексом ты можешь сознательно управлять, а все остальные – посторонние, как их ни изучай, жизни не хватит, хлопот и ляпсусов не оберешься» (*Лосев 1980*. С. 53). Бродский ответил с резкостью беспрецедентной в наших многолетних отношениях: «Это утверждение вздорное, то есть не вздорное, а чрезвычайно, как бы сказать, епархиальное, я бы сказал, местечковое. Дело в том, что в истории русской литературы не так уж легко найти пример, когда бы писатель был литератором в двух культурах, но двуязычие – это норма, вполне реальная норма» (*Интервью 2000*. С. 117). В подтверждение своих слов он назвал Пушкина и Тургенева. Конечно, оба прекрасно владели французским, но всерьез ни стихов, ни прозы по-французски не писали. Уж скорее о Тургеневе можно сказать, что он как раз «был литератором в двух культурах». Любопытна и оговорка «епархиальное» – калька с английского «parochial». Бродский поправился: «местечковое», но правильным в этом контексте было бы «провинциальное». Позднее, видимо, отношение Бродского к возможности поэтического творчества на двух языках изменилось. В эссе «Altra Ego» (1990) он говорит: «...поэт, по крайней мере в силу профессии, одноязычен» (*СИБ-2*. Т. 6. С. 70).

столь же обычно в русском стихе, как и мужское, и само по себе стилистически нейтрально, тогда как на современное английское ухо оно звучит комично – хорошо для шуточной песенки или опереточной арии, но серьезный текст превращает в пародию. Практически невозможно воспроизвести в английском стихотворении ритмическую структуру русского. Причина тут вполне очевидна: русские слова в большинстве своем многосложные, английские – односложные. С другой стороны, в русском слове любой длины только один слог ударный, а в английских многосложных словах имеются сильное и слабое ударения. Если в английском тексте имитируется русская ритмика, это производит на англоязычного читателя неприятное «барабанное» впечатление. Между тем, работая с переводчиками своих стихов на английский, Бродский настаивал прежде всего на максимальном приближении именно к ритмической структуре и рифмовке оригинала. Попытки англизировать эту сторону его стиха он отвергал как слишком «гладенькие»⁴⁸⁵. По мнению даже большинства доброжелательных критиков, английская идиоматика стихов Бродского тоже бывала порой проблематична. Сознательно работая в поэтике Одена, Бродский вслед за Оденем насыщал свои английские тексты оборотами разговорной речи, и вот тут его американские и английские читатели ощущали «что-то не совсем так». Все, кому приходится повседневно пользоваться неродным языком, знают, что употреблять разговорные речения, жаргонные словечки надо с большой осторожностью. В отличие от стандартного словарного и фразеологического фонда они требуют особого, интимного ощущения тех речевых «сценариев», где их употребление уместно, не вызывает у собеседника чувства неловкости.

На английском у Бродского при жизни вышло пять книг стихов⁴⁸⁶. Первую, «Elegy to John Donne», вышедшую в 1967 году в Англии в слабых переводах Николаса Бетелла, он дезавуировал. Так же, как «Стихотворения и поэмы», она была составлена из стихов до 1964 года без его ведома и участия⁴⁸⁷. Первой английской книгой, над которой Бродский работал, были «Selected Poems» («Избранные стихи») в переводе Джорджа Клайна и с предисловием Одена. По составу эта книга воспроизводила примерно две трети содержания «Остановки в пустыне»⁴⁸⁸, а в конце были добавлены переводы новых вещей – «Post aetatem postram», «Натюрморт», «Сретенье» и «Одиссей Телемаку».

По сравнению с утвердившейся репутацией первого русского поэта и почти безоговорочным успехом эссеистики стихи на английском оставались наиболее уязвимой стороной деятельности Бродского. Из тех, кто высказывался в печати о его стихах, наиболее восприимчивы к ним были некоторые слависты⁴⁸⁹, читавшие английского Бродского на фоне русской поэзии, а также поэты, личные друзья Бродского – Стивен Спендер, Дерек Уолкотт, Шеймус Хини и др. Тут большую роль, несомненно, играло то, что они воспринимали тексты

485 См. Myers 1996. P. 35. Об автопереводах Бродского см. Weissbort 2004.

486 И три вышеупомянутые книги эссеистической прозы. На польском 14 книг, на итальянском девять, на французском и немецком по семь. Другие языки, на которых выходили книги Бродского при жизни автора, – голландский, датский, иврит, испанский, корейский, монгольский, норвежский, сербо-хорватский, финский, чешский, шведский. Всего прижизненных публикаций книг на иностранных языках было больше шестидесяти, из них приблизительно треть до присуждения Бродскому Нобелевской премии в 1987 г. На родном языке Бродский увидел изданными 28 отдельных книг, не считая нескольких микротиражных раритетных изданий. Из них семнадцать были изданы в России после 1991 г., остальные за границей. Также при его жизни вышли четыре тома СИБ-1.

487 Joseph Brodsky. *Elegy to John Donne. Selected, translated and with an introduction by Nicholas Bethell*, London: Longmans, 1967.

488 Пропущены были в основном наиболее ранние стихотворения, а также «Исаак и Авраам». Из «Горбунова и Горчакова» была переведена только одна глава, «Разговор на крыльце», а из «Школьной антологии» – «Альберт Фролов».

489 См. Brown 1980, Gifford 1980, Bethea 1986, Weissbort 2004.

Бродского в контексте постоянных бесед с ним о поэзии вообще, а порою и его доскональных автокомментариев к стихам. Но в конечном счете, видимо, прав Исая Берлин: «Как могли его понять те, кто не читал его по-русски, по его английским стихотворениям? Совершенно непонятно. Потому что не чувствуется, что они написаны великим поэтом. А по-русски... С самого начала, как только это начинается, вы в присутствии гения. А это уникальное чувство – быть в присутствии гения... Поэт может писать только на своем языке, на языке своего детства. Ни один поэт не создавал ничего достойного на чужом языке. Нет французской поэзии, написанной нефранцузом. Вот Оскар Уайльд написал „Саломею“ по-французски, но ведь это никуда не идет, никак не отражает его гения. Поэт говорит только на родном языке...»⁴⁹⁰

Бродскому довелось прочитать немало кисло-сладких и даже злобных рецензий на свои английские книги. Иногда это были выпады литературных неудачников, откровенно продиктованные завистью к выскочке-иностранцу⁴⁹¹, но уничтожительная критика иногда звучала и с солидных высот. Крупный английский поэт и наследник Т. С. Элиота на посту редактора поэзии в престижном издательстве «Faber-Faber» Кристофер Рид назвал свою рецензию на английский вариант «Урании» «Большая американская катастрофа». Рид находит поэтику Бродского напыщенной и претенциозной, перечисляет погрешности против английского языка и пишет о незаслуженно раздутой репутации Бродского⁴⁹². Крейг Рэйн, который занимал столь влиятельное в современной английской поэзии редакторское кресло в период между Элиотом и Ридом, тоже известный поэт и оксфордский профессор, опубликовал разгромную статью о последней книге английских стихов Бродского и об авторе вообще через несколько месяцев после смерти поэта, как бы выплеснув в ней все накопившееся в узком кругу английского поэтического истеблишмента⁴⁹³ негодование по поводу русского парвеню. По тону статья Рэйна выходит за рамки литературных и любых приличий. Бродский пишет по-английски «неуклюже и сикось-накось» («awkward and skewed»), как мыслитель он «глуповат и банален» («fatuous and banal»), «неврастеник и посредственность мирового класса» («a nervous, world-class mediocrity»)⁴⁹⁴.

Пожалуй, больше огорчали Бродского не злобные атаки с огульной бранью, отчасти *ad kominet*, а взвешенные статьи, авторы которых старались читать его английские стихи непредвзято и все же находили их неадекватными его репутации великого русского поэта и прекрасного английского эссеиста. Рецензируя уже посмертный том избранных стихов на английском, Адам Кирш суммировал это отношение англоязычных читателей к поэзии Бродского так: «Иные поэты, чья энергия прежде всего в метафоричности, не страдают в переводе так сильно, как Бродский. Вислава Шимборска звучит по-английски с

490 Цит. по рукописи интервью Д. Абаевой-Майерс. В «Трудах и днях» (С. 97) начало этого отрывка подверглось сокращению.

491 Характерный пример – статья некоего Ричарда Костеланца по поводу книги «Less than One», автор которой опускается до того, что карикатурно передразнивает иностранный акцент Бродского (*Kostelanetz 1986*). Книга была отмечена премией как лучшая литературно-критическая книга года.

492 Reid 1986.

493 Неприязнь или, по крайней мере, неодобрительное отношение к Бродскому было характерно именно для *английского* поэтического истеблишмента (Рид, Рэйн, Алварес). Надо сказать, что поэзия в Англии после Ларкина и Хьюза переживала затяжной кризис. Современные Бродскому крупнейшие англоязычные поэты были ирландцы – Шеймус Хини и Пол Малдун, американцы – Ричард Уилбур, Энтони Хект, Ховард Мосс, Марк Стрэнд, австралиец Лес Марри и уроженец вест-индского острова Сент-Люсия Дерек Уолкотт.

494 Raine 1996. Эта истеричная статья не осталась без ответа в английской литературной прессе. Так, Майкл Хофман писал в «Обсервере» по поводу «отвратительной и неумелой атаки на Иосифа Бродского»: «Рэйну должно быть стыдно, хотя рассчитывать на это не приходится» (*Hofman 2000*). Перцепции «английского Бродского» в англоязычном мире посвящены работы *Полухина 1998, Кюст 2000, Лонсберу 2002, Weissbort 2002*.

исключительной ясностью, поскольку она истинно метафизический поэт. <...> Но Бродский, при всей блистательной четкости его образов, кажется, больше заинтересован в ритме, звуке, риторике, чем в идеях и их развитии, и потому больше теряет в переводе... Его [английские] стихи умны, богаты образами и динамикой, но слишком часто распадаются музыкально и даже семантически»⁴⁹⁵. Кирш цитирует американского поэта и переводчика поэзии Роберта Хасса: «...как будто бродишь среди руин благородного здания». Самое красочное описание впечатлений от английских стихов Бродского принадлежит крупнейшему англо-ирландскому поэту, нобелевскому лауреату Шеймусу Хини: «Энергию [английского стиха у Бродского] генерирует русский язык, метрика оригинала не отвергается, и в английское ухо вторгается фонетическая стихия, одновременно одушевленная и перекаленная. Иногда английское ухо инстинктивно протестует против обманутых ожиданий как в синтаксисе, так и в предвкушении ударения. Или оно впадает в панику – уж не стало ли оно жертвой розыгрыша, пока ожидало ритма. Но временами оно уступает безудержному натиску, колдовству, на которое способно только надо всем торжествующее искусство...»⁴⁹⁶